

бой с её начальниками, не желавшими отпускать от себя способного ученика, и поступил в Московский университет. Студент Ключевский оказался в относительно свободных условиях. Во-первых, время его учёбы совпало с проведением в стране реформ; во-вторых, Москва не была столицей, и духовная цензура здесь была слабее, чем в Петербурге; в-третьих, Московский университет славился своей оппозиционностью; в-четвёртых, профессор С.М. Соловьёв предоставлял немало самостоятельности своему любимому ученику, и тот смог разработать собственную методологию истории (исторического синтеза) и внедрять её в учебный процесс. Заняв кафедру, Ключевский развивал традиции свободолюбия: под его руководством сформировались историки разных, порой диаметрально противоположных политических взглядов: монархист М.К. Любавский, либералы (с разными оттенками) П.Н. Миллюков и А.А. Кизеветтер, марксист Н.А. Рожков. Одновременно Ключевский читал спецкурсы, например, о реформах 1860-х гг., характеризуя события с разных политических позиций, и тем самым учил студентов самостоятельно мыслить. Он всячески способствовал проведению дискуссий по разным проблемам и поводам, начиная с защиты диссертаций и вплоть до чаепитий у себя дома. Самостоятельности взглядов способствовала сама методология исторического синтеза, развивавшая широкий взгляд на историю России в сравнении с мировой. Наконец, разносторонний талант и эрудиция этого выдающегося учёного вызывали всеобщее уважение, в том числе и в «верхних этажах» власти. Но главное – это идейная убеждённость и гражданская стойкость великого историка.

Итак, Ключевский не абстрагировался от политики. Он выполнял высокий гражданский долг учёного-историка, анализируя ведущие тенденции исторического развития и вооружая политиков знанием исторических закономерностей. Он предложил политический алгоритм цивилизованного общества: «непрерывное взаимодействие правительственной власти и народного представительства, крепнущего в борьбе с её преобладанием»⁷³. Это суждение и сегодня представляется весьма поучительным. Думается, в XXI веке, когда в общественную деятельность во всех сферах жизни втягиваются все слои населения, особенно необходимо развивать и внедрять в историческую науку методологию синтеза, воплощённую Ключевским в его трудах и педагогической практике.

⁷³ Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. С. 193.

Б.А. Романов и Е.Н. Кушева в 1951 году: незавершённый спор историков

Любовь Сидорова

Трудно переоценить роль переписки в изучении прошлого. Являясь самостоятельным видом исторических источников, обладающим своей спецификой и возможностями, она доносит информацию о фактах и одновременно их комментирует, раскрывая восприятие описываемых событий респондентами.

Большое значение переписка имеет для изучения истории исторической науки, отражая процесс исследовательской работы и роль в нём историка. Эпистолярное наследие историков даёт возможность прояснить мотивацию выбора ими тех или иных исторических сюжетов, традиции и новации, существовавшие и появившиеся в профессии, показать исследовательские практики учёных, проникнуть в мир их межличностных отношений, отражая взаимоотношения учителей и учеников, коллег по историческому цеху. Действительно, кто лучше самих историков мог бы рассказать, чем жила их наука, какие проблемы вставали перед ними и как они их решали, что представляла собой корпорация историков в живом переплетении творческих принципов и своеобразия личностей?

Значительный интерес представляет недавно опубликованная переписка Е.Н. Кушевой и Б.А. Романова¹. На протяжении почти двадцати лет (1940–1957 гг.) историки обменивались письмами. По возвращении их из ташкентской эвакуации, сблизившей москвичку Кушеву и ленинградца Романова, переписка приобрела регулярный характер. Прервала её смерть Романова. В письмах учёные делились мнениями о текущих проблемах научной деятельности в Москве и Ленинграде, рассказывали о своих творческих планах, сообщали о важных для них событиях частной жизни. Дружественность и внимание друг к другу этих историков имели прочные основания. Наставниками Кушевой в Саратовском университете, историко-филологический факультет которого она закончила в 1922 г., были П.Г. Любомиров и С.Н. Чернов², ближайшие друзья Романова по Петербургскому университету, которых объединили, в свою очередь, общие учителя – С.Ф. Платонов и А.Е. Пресняков. Такой круг общения во многом определил общность их научных позиций, сформировал профессионализм в исследовательской деятельности, первоосновой которой они оба считали объективное изучение исторических источников. Поэтому их точки зрения по профессиональным и даже житейским вопросам по большей части сходились, хотя, конечно, не совпадали полностью.

На их судьбах отразилось, хотя и по-разному, печально известное Академическое дело. Если на Е.Н. Кушеву легла, скорее, его тень – травля и кратковременные аресты её учителей, вынужденный переезд в 1929 г. из родного Саратова в Москву, то для Б.А. Романова оно стало тяжёлым испытанием и не давало забыть о себе до самых последних дней жизни. Призрак нового ареста возникал в мыслях историка при всяком новом идеологическом повороте. Он воскрешал в его памяти пережитые год и месяц в следственной тюрьме, исправительно-трудовой лагерь на строительстве Беломоро-Балтийского канала, возвращение в августе 1933 г. в Ленинград под постоянной угрозой высылки и без права устроиться на постоянную работу по специальности. Перенесённые страдания, духовные и физические, подорвали его здоровье.

Десять лет, разделявшие Е.Н. Кушеву (1899–1990) и Б.А. Романова (1889–1957), в той или иной степени сказывались на восприятии каждым из них некоторых принципиальных сторон научной работы. Не слишком большая, на первый взгляд, разница в возрасте во многом предопределила их положение и самоопределение в сообществе советских историков. Романов был и ощущал

¹ Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов. СПб., 2010 (далее – Переписка).

² П.Г. Любомиров (1885–1935) и С.Н. Чернов (1887–1941) в 1930 г. были арестованы по «Академическому делу».

себя в нём представителем «старой школы»³. В 1949 г., в разгар борьбы с буржуазным объективизмом, обдумывая происходящее, он приходил к одному и тому же неутешительному выводу: мрачному концу его поколения⁴. Осознавая себя, как и прочие представители дореволюционной генерации историков, хранителем традиций и ценностей русской исторической науки, Романов отказывался от их девальвации, болезненно относился к возможным компромиссам. Одновременно он отдавал себе отчёт, что такая позиция была чревата осложнениями. «Мы, старики, – писал Борис Александрович Кушевой 30 января 1949 г., – ведь тоже “наследие”. И что в этом “наследии” вредно, а что терпимо – как тут разобрать? Это “наследие” вредно своими сильными сторонами; и тем менее вредно, чем меньше в нём сильных сторон»⁵.

В предисловии к изданной переписке Е.Н. Кушевой и Б.А. Романова В.М. Панеях справедливо отметил, что «они обучались и воспитывались как учёные в традициях одной школы, хотя в дальнейшем она (Кушева. – Л.С.) испытала и иные влияния»⁶. Сила воздействия этих влияний во многом обуславливалась именно разделявшим их десятилетием. Если Кушева в середине 1920-х гг., в период активного внедрения марксизма в советскую историческую науку, ещё только начинала свой путь историка, то Романов был уже сложившимся учёным. Поэтому ей было проще принимать происходившие новации, адаптироваться в среде историков-марксистов, в большинстве её сверстников. Тесно связанная с историками «старой школы», но не принадлежавшая к их генерации, Кушева занимала своё особое место в рядах советских историков первого марксистского поколения.

Неожиданно и резко вспыхнувший в 1951 г. и так и не завершённый спор Б.А. Романова и Е.Н. Кушевой во многом был связан именно с этой разницей поколений. Поводом к нему послужили события, происходившие вокруг осуществлявшейся во второй половине 1940-х – начале 1950 гг. подготовки к академическому изданию памятников древнерусского права. Это время было отмечено взлётом интереса к источниковедению, к публикации исторических документов. Была начата работа по изданию фундаментальных памятников истории и научной и общественной мысли. Особое внимание уделялось уровню источниковедческой и археографической подготовки документальных сборников. Они должны были отвечать высоким академическим требованиям, сочетая точную передачу текстов и их научное комментирование и сопровождение. Романов принимал в этой деятельности непосредственное участие как автор комментариев, а Кушева, работавшая в археографическом подразделении Института истории АН СССР, была в курсе всех научно-организационных моментов.

Относящиеся к этому периоду письма отличаются эмоциональной напряжённостью, насыщенностью подробностями и открыто заявленными позициями историков. Романов и Кушева детально обсуждали вопросы, связанные с изданием Судебников 1497 г., 1550 г. и 1589 г., духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI вв., и проблемы археографии в целом. Археографические дела, по словам Романова, «создали безостановочную пере-

³ Подробнее см.: *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М., 2008.

⁴ Переписка. С. 79.

⁵ Там же. С. 87.

⁶ Там же. С. 6.

кличку между Москвой и Ленинградом»⁷. Эти темы основательно обсуждались практически в каждом письме, начиная с 21 мая 1946 г. Первоначально между взглядами Кушевой и Романова не было заметно расхождений. Несогласие проявилось в мае 1951 г., после появления в стенгазете Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ) статьи Романова, посвящённой вопросам археографии. В письмах, которыми обменялись после этого Кушева и Романов, каждый горячо отстаивал свою точку зрения на принципы комментирования источника при публикации. Для того чтобы суть возникших между историками несогласия и даже обид стала ясна, обратимся сначала к довольно долгой цепи событий, приведших к такой эмоциональной реакции обоих.

Публикация этих исторических памятников была частью общего плана археографических работ созданного в 1936 г. Института истории АН СССР. Основу его издательской деятельности определял составленный А.А. Сергеевым проект «Правил издания документов Центрального архивного управления СССР», опубликованный в 1935 г., в котором подчёркивалась необходимость научно-критического издания документов. К научно-справочному аппарату предъявлялось требование давать классовую оценку содержания публикуемых источников. В 1936 г. вышли подготовленные Б.Д. Грековым, К.Н. Сербиной и др. «Правила издания документов XVI–XVII вв.», которыми предусматривалась разработка передачи текста по новой орфографии и введение особого раздела о сокращённой передаче текста в виде регест (изложение содержания документа) и документальных таблиц. В 1945 г. были изданы «Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда СССР». В них впервые были сформулированы основные методологические требования к отбору источников для публикации, содержались подробные указания о выборе и передаче текста, археографическом оформлении, составлении научно-справочного аппарата и др.⁸

Директор Института истории АН СССР академик Б.Д. Греков стал инициатором издания уникального памятника древнерусского права – Правды Русской. В 1940 г. увидели свет её академически подготовленные тексты⁹. Однако начавшаяся Великая Отечественная война значительно осложнила и затормозила работу над вторым томом Правды Русской, который готовился как развёрнутый историографический комментарий к её статьям. Он был издан уже после войны, в 1947 г.¹⁰ Романов писал комментарии к самым существенным статьям Краткой и Пространной Правд (по его собственной оценке, он откомментировал более 70% статей)¹¹. Помимо этого Греков поручил ему готовить к печати и весь второй том¹². В новом документальном проекте Романову предстояло осуществить научное сопровождение Судебника Ивана Грозного. Однако поставленная задача на первых порах отнюдь не воодушевила историка. 21 мая 1946 г., впервые упомянув об этой работе, Романов писал Кушевой, что воспринял её как «повинность», «как что-то чужое», присовокупив, что

⁷ Там же. С. 201.

⁸ Археография // Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 814.

⁹ Правда Русская: Тексты. Т. 1. М.; Л., 1940.

¹⁰ Правда Русская: Комментарии. Т. 2. М.; Л., 1947.

¹¹ *Панях В.М.* Б.А. Романов о типе комментариев к Судебникам 1497 и 1550 г. // Археографический ежегодник за 1990 год. М., 1992. С. 278; *он же.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 212.

¹² Переписка. С. 31.

Судебник – «не герой его романа»¹³. Но постепенно работа его увлекла, и «проклятый судебник Ивана IV»¹⁴ (в письме от 12 апреля 1948 г. Кушева цитировала Романова) стал предметом его заинтересованной и скрупулёзной работы. Он полагал, что публикация Судебников важна не только для исследователей, но и для практических занятий в вузах¹⁵. 20 июня 1948 г. Екатерина Николаевна поздравила своего ленинградского коллегу с окончанием этого сложного труда. Она обещала «приложить все усилия к тому, чтобы Судебники пошли в печать в 1949 г., лучше бы – в первой половине года»¹⁶.

Однако всё пошло не столь гладко, и вовсе не по небрежению Кушевой, весной 1948 г. назначенной учёным секретарём Археографического совета Института истории АН СССР и непосредственно занявшейся издательской деятельностью Института. Она постоянно держала Романова в курсе всего, что было связано с утверждением и прохождением текстов данной публикации. Осложнения, на три года отсрочившие выход Судебников¹⁷ в свет, были связаны с целым рядом причин. Среди них – разгоревшиеся споры вокруг принципов археографической подготовки текстов¹⁸. Свою лепту в обострение ситуации вокруг издания Судебников внесла обрушившаяся в 1948–1949 гг. на советскую историческую науку идеологическая кампания по борьбе с космополитизмом и буржуазным объективизмом. В ходе неё поднимался, в частности, и вопрос о вышедшей в 1947 г. монографии Романова «Люди и нравы Древней Руси (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.)». Хотя пристрастное обсуждение книги прошло для Бориса Александровича, в общем, благополучно, его не могла не волновать предвзятая критика работ его коллег по историческому цеху – И.У. Будовница, С.Н. Валка, Н.Л. Рубинштейна, М.Н. Тихомирова и др. В числе основных мишеней этой кампании стал сборник статей «Пётр Великий»¹⁹ под редакцией А.И. Андреева, бывшего также и редактором издания Судебников²⁰. 12 марта 1947 г. Екатерина Николаевна, договариваясь в письме о личной встрече с собиравшимся приехать в Москву Романовым, писала, что хотела бы с ним посоветоваться. «У нас здесь некоторые новости, связанные с обсуждением отредактированного Александром Игнатьевичем сборника. В результате перемен мне дано новое служебное поручение, поставившее меня в нелёгкое положение»²¹, – сообщала она, не доверяя бумаге подробностей.

Оказавшийся в эпицентре антикосмополитической кампании Андреев находился в ожидании организационных выводов. «Нелёгкое положение» Кушевой было связано с возложением на неё обязанностей по Археографическому совету, положение в котором Андреева становилось шатким. Сложившаяся обстановка объясняла его стремление соблюдать все формальности, связанные с научной деятельностью. «Решение о том, что Судебники пойдут под его

¹³ Там же. С. 23.

¹⁴ Там же. С. 44.

¹⁵ Там же. С. 49.

¹⁶ Там же. С. 51.

¹⁷ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952.

¹⁸ Подробнее см.: *Панеях В.М.* Б.А. Романов о типе комментариев...; *он же.* Б.А. Романов об издании Судебников XV–XVI вв. // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб., 1991; *он же.* Творчество и судьба историка...

¹⁹ Пётр Великий. Сборник статей. Вып. 1. М.; Л., 1947.

²⁰ Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) – сотрудник ЛОИИ.

²¹ Переписка. С. 31.

(Андреева. – Л.С.) редакцией, было принято уже давно и сообщено ему словесно, – писала Кушева Романову 3 июня 1948 г. – Недавно выяснилось, что А.И. ждёт официального и письменного подтверждения, которое и было ему послано»²². Последовавшие письма подтвердили, что собравшиеся над головой Андреева тучи продолжали сгущаться. 10 июля Кушева сообщила Романову, что присланные им комментарии к Судебнику 1550 г. находятся у Андреева и что Л.В. Черепнин²³ подготовил Судебник 1497 г. к перепечатке. На вопрос о ходе работы Андреева над Судебником 1589 г. она ответить не смогла, но выразила мнение, что «А.И. должен понимать, как важно для него в теперешних обстоятельствах выполнить план». Обеспокоенная делами издания и ещё более положением самого Андреева, она сообщала далее, что «просила Е.П. Подъяпольскую²⁴, которой проще говорить с А.И. откровенно, дать понять А.И., что ему нужно закончить плановые работы»²⁵.

Начало осени, после летнего относительного затишья, было ознаменовано новым идеологическим всплеском. 8 сентября 1948 г. в «Литературной газете» появилась статья А. Кротова «Примиренчество и самоуспокоенность», в которой работа Института истории критиковалась в духе борьбы с буржуазным объективизмом и космополитизмом. На следующий день, 9 сентября, С.В. Бахрушин²⁶ провёл заседание руководимого им сектора истории СССР до XIX в. Единственным вопросом значилось обсуждение этой публикации²⁷. Андреев был отстранён от руководства планировавшимся вторым сборником статей о Петре Великом. 28 сентября 1948 г. Кушева в письме Романову сравнила Институт истории с растревоженным ульем²⁸. «У нас здесь впечатление, – писал ей Борис Александрович 11 ноября, – что в Институте истории в Москве полная летаргия или параличное похмелье. Никаких бумаг и указаний не поступает сюда»²⁹.

Андреев тяжело переживал происходившее. В декабре Кушева сообщила Романову, что их коллега «слёг – плохо с сердцем и давление очень повышено»³⁰. Находясь в «мучительном по неопределенности» положении³¹, сказавшемся на его здоровье, он принял решение вернуться в ЛОИИ, где работал до войны. В январе 1949 г. Романов с удовлетворением писал о намерениях Андреева работать в северной столице: «Давно пора, я это ему говорил ещё года два назад»³², т.е. в начале идеологических проработок. В конце того же года, 30 ноября, Кушева писала Романову, что «в ближайшие дни решится вопрос о судьбе А.И. в Институте», и добавила, что «тогда будет ясно, останется ли он

²² Там же. С. 49.

²³ Лев Владимирович Черепнин (1905–1977) – с 1946 г. старший научный сотрудник Института истории АН СССР, с 1951 г. заведующий сектором истории СССР периода феодализма.

²⁴ Елена Петровна Подъяпольская (1895–1986) – секретарь партийной организации сектора истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР. Окончила Саратовский университет (1924), где её учителями были П.Г. Любимиров и С.Н. Чернов.

²⁵ Переписка. С. 52.

²⁶ Сергей Владимирович Бахрушин (1882–1950) – в 1930 г. репрессирован по «Академическому делу». С 1937 г. работал в Институте истории АН СССР, с 1942 г. – заведующий сектором истории СССР до XIX в.

²⁷ Подробнее см.: *Сидорова Л.А.* Указ. соч. С. 34.

²⁸ Переписка. С. 57.

²⁹ Там же. С. 69.

³⁰ Там же. С. 72.

³¹ Там же. С. 73.

³² Там же. С. 75.

редактором Судебников, или надо будет адресоваться к кому-либо иному. Ваш совет – просить в этом случае Б.Дм. (Грекова. – Л.С.) быть редактором – мне кажется очень хорошим»³³.

Произошедшие изменения в составе редколлегии отвечали пожеланиям Романова. В конечном итоге общее руководство взял на себя Б.Д. Греков, комментарии к Судебнику 1589 г. были перепоручены А.И. Копанёву, редактором Судебников 1497 и 1589 гг. стал И.И. Смирнов, Судебника 1550 г. – С.Н. Валк³⁴. В «Предисловии» Грекова ко всему изданию в части, касавшейся Судебника 1550 г., главный акцент был им сделан на роли этого законодательного памятника в «завершении создания централизованного государства и его укреплении»³⁵. Однако между Смирновым и Романовым были расхождения в оценках социальной направленности реформ 1550-х гг. Смирнов рассматривал Судебник Ивана Грозного как отражение антибоярской позиции царя, а Романов полагал, что он носил компромиссный характер. Вполне понятно, что это не могло не отразиться на комментариях к его статьям (в которых требовалась классовая оценка документа) и породило дискуссию между учёными. Однако, как справедливо отметил Панеях, полемика была «острой, но вполне корректной»³⁶. Спор историков, принадлежавших к поколениям-антагонистам – дореволюционному и первому марксистскому, по-разному оценивавших уровень социального развития России XVI в., носил научный характер, так как Романов и Смирнов были едины в отношении главного – приоритета исторического источника.

Этот аксиоматичный для историков «старой школы» научный принцип овладевал и рядом творчески настроенных молодых исследователей. Упражнения в марксистском умозрительном конструировании – дань времени и идеологии – остались для многих из них позади. С.Н. Валк в своей статье, анализируя профессиональный путь Смирнова, писал: «Очень характерно, что в течение последующих лет И.И. не написал ни одной методологической статьи, подобной тем, которые пользовались таким его предпочтением в первые годы научных занятий. И не потому, что у него пропал интерес к общим вопросам»³⁷. Валк объяснил произошедшую перемену тем, что для Смирнова исходными в изучении и рассуждениях стали не отвлечённые построения о том, что должно быть по теории в прошлом, а исторические источники. При этом ценность исторического факта для Смирнова, по словам Валка, определялась его значимостью в решении кардинальных вопросов науки: «Любой документ привлечёт к себе его внимание лишь в том случае, если наблюдения над его особенностями повлекут за собой установление какого-либо более общего исторического вывода»³⁸.

Помимо споров о реформах и Судебнике Ивана Грозного, Смирнов и Романов расходились также и по археографическим вопросам, в частности, в том, насколько исследовательским должен был быть тип комментариев к Судебникам. Романов и Кушева считали, что «весь смысл издания Судебников в том,

³³ Там же. С. 109–110.

³⁴ Александр Ильич Копанёв (1915–1990), Иван Иванович Смирнов (1909–1965) и Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975) – сотрудники ЛОИИ.

³⁵ Греков Б.Д. Предисловие // Судебники XV–XVI веков. С. 9.

³⁶ Панеях В.М. Б.А. Романов о типе комментариев... С. 21.

³⁷ Валк С.Н. Иван Иванович Смирнов // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. М., 2000. С. 163.

³⁸ Там же.

что оно комментированное»³⁹. Смирнов, напротив, отстаивал идею упрощения археографического сопровождения текстов⁴⁰ и был недоволен обширными комментариями Романова к Судебнику 1550 г., тем более что они полемизировали с его сравнительно недавней статьёй об этом источнике⁴¹. Полемика вокруг археографической подготовки Судебников существенно подпитывалась непростыми межличностными отношениями ряда имевших касательство к изданию историков.

Вечером 8 июня 1950 г. «довольно внезапно», по словам Бориса Александровича, в ЛОИИ состоялось заседание по подготовке издания. Резюмируя в письме Кушевой выступление на нём Смирнова, Романов выделил два основных вывода докладчика: «1) об издании текста (Черепнинского) без фигурных скобок и без перевода, в стиле Р.Б. Мюллер⁴², с его комментариями, теперь же, и 2) о переделке комментариев Андреева (*бедного*) и Романова (*чересчур исследовательского*) – ради равенства по Черепнину, следовательно, с отсрочением издания». Большинство на заседании, как рассказывал Романов, приняло точку зрения Валка, который «очень помог сдвигу дела с мёртвой точки – выяснением “психологической” невозможности редакции И. И-ча (Смирнова. – Л.С.) и защитой возможности выпуска и “разнотипных” комментариев (вернее, невозможности комментариев однотипных)»⁴³. Там же было решено подыскать Романову другого редактора (им стал Валк). В ходе обсуждения возможной кандидатуры в числе прочих был назван и Л.В. Черепнин. Однако Романов «решительно отвлёл» этот вариант «по мотивам “плотницкого” стиля его работы», как писал он Екатерине Николаевне вечером того же дня⁴⁴. Из последующей переписки с Кушевой видно, что на главной линии археографического противостояния находились именно Романов и Черепнин. Именно между ними, в основном заочно, шёл спор по поводу принципиальных вопросов издания памятников Древней Руси. Бориса Александровича заботили точность передачи текста и сохранение особенностей языка документов, он стремился определить наиболее целесообразные приёмы передачи текста, дать исследователю и любому возможному читателю обстоятельные комментарии и указатели.

5 февраля 1951 г. Романов поздравил Кушеву с выходом в свет трёх документальных изданий Института истории – «Духовных и договорных грамот великих и удельных князей», «Новгородской первой летописи» и «Тысячной книги 1550 г. и Дворовой тетради 50-х годов XVI в.»⁴⁵. В следующем письме, 17 февраля, он сообщил ей о приобретении «Духовных и Тысячной книги»: если последняя заслужила очень благоприятный отзыв Романова, то «совсем иные впечатления» возникли у него «от первых же попыток воспользоваться изданием Духовных»⁴⁶. На нескольких страницах своего письма он дал подробный разбор стиля комментирования и передачи текста, охарактеризовав его как

³⁹ Переписка. С. 114.

⁴⁰ Панях В.М. Творчество и судьба историка... С. 302.

⁴¹ Смирнов И.И. Судебник 1550 г. // Исторические записки. Т. 24. М., 1947.

⁴² Раиса Борисовна Мюллер (1896–1989) – ученица С.Ф. Платонова и А.И. Андреева, сотрудница ЛОИИ.

⁴³ Переписка. С. 115.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 165; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

⁴⁶ Переписка. С. 166.

«попросту безобразный в издательском отношении»⁴⁷. Романов настаивал, что наличие в этом издании «двух сортов скобок» и «двух сортов шрифтов» и отсутствие в нём шпон, используемых для увеличения пробела между строками, абзацами и проч., осложняли восприятие текста читателем⁴⁸. По его мнению, «подавляющее большинство терминов, действительно требующих хотя бы предположительного объяснения», было «оставлено без него»⁴⁹.

Ни разу не упомянув имени Черепнина, подготовившего «Духовные и договорные грамоты» к печати, Романов был резок в своих суждениях. Издание, которое, по его мнению, «должно бы было быть торжеством советской исторической науки», не оправдало его ожиданий. Романов объяснял это тем, что публикация вышла в свет «как чисто и ревниво “личное” дело саморедактора, сделавшего всё, что и как ему хотелось, и не пожелавшего ни с кем разделить труд, а следовательно, и ответственность, и честь, с ним связанные». Откровенно делаясь с Екатериной Николаевной своими впечатлениями, Романов вспоминал о своём учителе, А.Е. Преснякове. «Александр Евгеньевич, – писал он, – привил мне мечту, что когда-нибудь они (духовные и договорные грамоты князей. – Л.С.) будут переизданы по-хорошему. И, конечно, с комментариями, не говоря уже о словаре. А вышло – бедно и с дырками в неподлежащих местах»⁵⁰.

Кушева была взволнована резкой критикой своего ленинградского коллеги. В ответном письме она пункт за пунктом отвечала на неё, при этом подробно описывая условия работы Черепнина над изданием, которые, по её мнению, привели к названным упущениям и ошибкам⁵¹. Екатерина Николаевна указывала на диктат издательства в определении способов передачи текстов, на то, что «оно *знало издание* на последнем этапе», чтобы выпустить сигнал до конца года⁵². В отношении комментариев Кушева писала, что «Л.В. был очень *расстроен неудачей* с указателями и до сих пор не успокоился»⁵³.

Однако Борис Александрович, «спеша предотвратить... накопление недоумений вокруг “Духовных”», всё же возражал своей заочной собеседнице: «Вы уже неверно поняли меня, заняв позицию защиты Черепнина, а не обсуждения приёмов издания»⁵⁴. Строгое и даже придирическое отношение Романова к очевидным недостаткам публикации, возникшим, по его убеждению, вследствие «саморедакторских 11-ти “принципов” издания» (так он определил сформулированные составителем основы подготовки текстов) и просто допущенных Черепниным «нетщательностей»⁵⁵, имело сложную природу. Отчасти оно объяснялось присущей Романову научной добросовестностью, проявленной им, в том числе, в работе по изданию Русской Правды. Ко Льву Владимировичу, автору блестящего источниковедческого исследования «Русские феодальные архивы XIV–XV вв.»⁵⁶, первая часть которого уже была широко

⁴⁷ Там же. С. 169.

⁴⁸ Там же. С. 167.

⁴⁹ Там же. С. 168.

⁵⁰ Там же. С. 169–170; речь идёт об издании «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел» (М., 1813). В нём было опубликовано большое число грамот, вошедших в документальное издание под редакцией Черепнина.

⁵¹ Переписка. С. 171–173.

⁵² Там же. С. 172.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 174.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948; Ч. 2. М.; Л., 1951.

известна, Романов предъявлял повышенный научный счёт. Но существовала и другая причина, которая коренилась в отношениях Романова и Черепнина как представителей разных поколений.

«Академическое дело», грубо вмешавшееся в личные и творческие судьбы этих историков, отразилось на них неодинаково. Романов укрепился в своём статусе историка «старой школы» и часто писал о собственном «аутсайдерстве» в советской исторической науке. У Черепнина всё сложилось иначе. Успешное начало научной деятельности, в которой собственные трудолюбие и увлеченность историей были помножены на опыт и знания его блестящих учителей – С.В. Бахрушина и А.И. Яковлева, а также С.Б. Веселовского и Д.М. Петрушевского⁵⁷, обещало её продолжение в русле традиций, хранимых его наставниками. Однако в ноябре 1930 г. Черепнин был арестован, заключён в Бутырскую тюрьму, затем на три года сослан в лагеря, на камнеразработки на Северной Двине. Пережитая трагедия и нахождение на грани физического выживания, ощущение себя изгоем при приезде в конце 1933 г. в Москву – всё это не могло забыться даже при постепенно наладившейся жизни, к которой Черепнин начал возвращаться после смены вех в советской исторической науке в 1934 г. Создание им фундаментальных трудов, прочное положение одного из лидеров советской исторической науки, звание академика АН СССР не избавили его от запрятанного где-то в тайниках души страха повторения событий начала 1930-х гг. В Институте российской истории РАН изустно передавался рассказ о последних минутах жизни учёного: «Последними его словами, вырвавшимися из подсознания, на грани угасания его могучего разума, были: “За что? Я ни в чем не виноват”. Так реагировал он на форму милиционера, которого призвали для помощи в переносе носилок со Львом Владимировичем. Заноза, засевшая в 1930 г., выскочила, но ушла и жизнь»⁵⁸.

Думается, что «заноза» не выскочила, а лишь обозначилась. По всей вероятности, она мешала бы Черепнину и далее, если бы ему было суждено прожить дольше. Опасение вновь оказаться в положении репрессированного вынудило его участвовать в кампании борьбы с космополитизмом и буржуазным объективизмом не только в качестве объекта критики, но и как её субъекта. Так, 14 октября 1948 г. на заседании сектора феодализма Института истории АН СССР, посвящённом пристрастному, в духе тех дней, обсуждению учебника по истории СССР для неисторических вузов под редакцией М.Н. Тихомирова, Черепнин выступил в ставшем характерном для него ключе, сочетая прекрасное владение историческим материалом с постоянными ссылками на авторитет классиков марксизма-ленинизма: «Мне кажется, что, говоря о феодализме, нужно было дать теоретическое определение феодальной формации, дать соответствующий раздел из работы т. Сталина о диалектическом и историческом материализме и указания т. Ленина. У Вас это совершенно отсутствует». Правда, смягчая свои замечания, он представлял «недостатки» работы не как проявление научной позиции Тихомирова, а как простое упущение: «Между тем в Ваших же собственных работах Вы прекрасно это показали. Тем более досадно видеть отсутствие этого в учебнике»⁵⁹. Также, демонстрируя своё

⁵⁷ Назаров В. Д. Лев Владимирович Черепнин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000. С. 289.

⁵⁸ Там же. С. 302.

⁵⁹ Архив Института российской истории РАН, д. 375, л. 149.

«марксистское “правoverие”»⁶⁰, он выступил в печати с критикой взглядов А.С. Лаппо-Данилевского и А.Е. Преснякова с позиций политико-идеологических канонов⁶¹. В последние годы жизни Лев Владимирович, по свидетельству его учеников, не раз сожалел о тональности и самих фактах написания данных статей. В своей же исследовательской деятельности перешёл от формального использования марксизма, характерного для его большинства его учителей, к творческому его освоению.

Вполне понятно, что публикация этих статей не прибавила ему во мнении историков дореволюционного поколения. Особенно остро воспринял их появление Романов. К обиде за такой разбор творчества Лаппо-Данилевского и Преснякова, который был его руководителем в науке, присоединился момент личный. В статье о Лаппо-Данилевском Черепнин причислял его к ученикам историка-методолога на основании речи Романова на юбилее историка в 1915 г., в которой при опубликовании во фразе «от имени не учеников» выпала частица «не»⁶². Разбирая недочёты и изъязны публикации «Духовных и договорных грамот» и отказываясь проявлять снисходительность к Черепнину, оказавшемуся в сложной ситуации, Романов напомнил Кушевой, что «он уже сделал попытку попить чужой крови, опершись на опечатку или даже не распознав её»⁶³. «Если бы это был Веселовский или Яковлев⁶⁴ или даже Андреев, т.е. люди, прикованные к своему возрасту и слабеющим силам, я бы не всё из перечисленного в том и этом письме поставил им в упрёк», однако «Черепнин ещё в полных силах и не имеет “возраста”, а между тем уж больно боек и шустр в телодвижениях»⁶⁵, – писал Романов.

В этом же письме Борис Александрович коснулся вопроса о возможной рецензии на издание «Духовных и договорных грамот». Сначала он категорически отверг эту идею: «Стоя одной ногой в могиле, зачем лезть в драку с человеком, с которым научный спор я считаю невозможным»⁶⁶. К тому же он сомневался (как показало время, справедливо) в том, что его рецензия будет опубликована. Однако, приняв решение не вступать в спор, 27 февраля 1951 г. он написал Кушевой, что дискуссия с нею в письмах неожиданно для него самого завершилась тем, что он написал «запросительное» письмо главному редактору «Вопросов истории» П.Н. Третьякову о возможности поместить рецензию на страницах журнала. «А затем, – продолжал Романов, – сел за машинку и написал рецензию, отделал один экземпляр и сегодня при письме отправил его Борису Дмитриевичу (Грекову. – Л.С.) на его усмотрение – на предмет напечатания её где-нибудь, где он найдёт, если найдёт, возможным». Он изложил Кушевой основной тезис рецензии – «неизбежность любых недостатков при “личном” (а не коллективном) характере издания и непосильность такой сложной работы для одиночного работника, особенно при неосмотрительной постановке им себе сразу двух задач – удовлетворения интересов и историка

⁶⁰ Назаров В.Д. Указ. соч. С. 295.

⁶¹ См.: Черепнин Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8; он же. Об исторических взглядах А.Е. Преснякова // Исторические записки. Т. 33. М., 1950.

⁶² Переписка. С. 180.

⁶³ Там же. С. 178.

⁶⁴ Степан Борисович Веселовский (1876–1952) и Алексей Иванович Яковлев (1878–1951) – сотрудники Института истории АН СССР.

⁶⁵ Переписка. С. 178.

⁶⁶ Там же. С. 178–179.

и филолога, с предпочтением к интересам второго, в очерёдности, обратной задачам Института истории»⁶⁷. Отрицая «фабрично-кухонный уклад производства» в исследовательской деятельности – «Я же по старинке и сам люблю, и у других ценю “личные” работы, в которые единственно только и верю»⁶⁸, – Романов иначе смотрел на подготовку документальных изданий.

Примерно через месяц, 24 марта 1951 г., Екатерина Николаевна известила своего коллегу о том, что Греков не советовал печатать рецензию. «Я уверена, – продолжала она, – что в Вашей рецензии много острых и верных наблюдений, вместе с тем я думаю, что Б. Дм. (Греков. – Л.С.) разбирается хорошо в обстановке и что его решение – очевидно, “Вопросы истории” его ждут – будет правильным»⁶⁹. Авторитет Грекова и примирительная позиция Кушевой на некоторое время притушили спор. Но незамедлительность, с которой они отвечали друг другу (письма разделяли 3–4 дня, ровно столько, сколько требовалось, чтобы они успели дойти до адресата), говорила об их напряжённом внимании к происходившим событиям. Сообщение о том, что его рецензия не будет печататься, Борис Александрович воспринял нейтрально. «Наверное, даже хорошо», – отозвался он об этом 28 марта. Решающее значение имело для него мнение Грекова, которому он просил при случае передать, что «всегда верил в его мудрые советы и сейчас принимает и этот совет, как мудрый» и что сам ожидал «именно такого совета». Но в том же письме он снова нелицеприятно отозвался о Черепнине как «теноре от марксистской теории»⁷⁰, имея в виду его методологические статьи о русском феодализме. Думая о том, как отнестись бы Черепнин к его рецензии, будь она опубликована хотя бы в версии, посланной в журнал, которая была «литературно значительно смягчена», и ставя себя на его место, Романов заключал: «Меня такая рецензия в печати, если бы я мнил себя наследственным и потомственным тенором от археографии, убила бы надолго»⁷¹.

Л.В. Черепнин был историком в третьем поколении. Его дед, А.И. Черепнин, не имея специального образования, служил в Рязанской губернской учёной архивной комиссии, став уважаемым историком-профессионалом, археологом и нумизматом, автором научных работ по истории Рязанского края. Его увлечение наследовал сын, В.А. Черепнин, отец Льва Владимировича. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, продолживший своё образование в Петербургском археологическом институте и на юридическом факультете Петербургского университета, он был близок со многими видными историками и лингвистами, в том числе Ю.В. Готьё, А.И. Яковлевым, С.К. Шамбинаго. «Марксистский искус» Л.В. Черепнина Романов воспринял как измену традициям дореволюционной историографии и прежде всего идеалам его собственных деда и отца, как трамплин для карьерного роста. Надо заметить, что в переписке с Кушевой никому из историков первого марксистского поколения он не ставил марксизм в вину.

Продолжение противостояния вскоре снова обозначилось на заседании группы по истории СССР ЛОИИ 5 апреля 1951 г. На нём Романов, по его

⁶⁷ Там же. С. 180.

⁶⁸ Там же. С. 20.

⁶⁹ Там же. С. 191; Романов отослал один вариант рецензии Грекову, другой – в «Вопросы истории».

⁷⁰ Там же. С. 192.

⁷¹ Там же.

собственным словам в письме Кушевой, «читал не просто рецензию (второй, вернее, последней редакции), а доклад “К вопросу о задачах советской археографии”»⁷². Это письмо вызвало её обеспокоенность, которая ещё усилилась из-за отсутствия обещанной полной стенограммы этого заседания. 24 апреля в письме Кушевой Романову проглядывало стремление защитить «Духовные и договорные грамоты». У неё появились критические нотки в отношении своего респондента, в частности, она выразила осторожное удивление отсутствием хронологических рамок в названии его доклада. «Как я понимаю, содержание его было связано с тремя обсуждавшимися изданиями»⁷³, – писала она, считая неправомерным строить доклад лишь на этих конкретных примерах, так как «вопрос “о задачах советской археографии” предполагает отклики и на вышедший том “Восстания декабристов” и на “Рабочее движение XIX в.”; и на неудачи некоторых публикаций по советскому периоду»⁷⁴.

28 апреля, отвечая на это письмо, Борис Александрович писал, что для изложения своего мнения о задачах советской археографии ему «вовсе не нужно было гоняться за количеством... неудачных примеров из недавней практики, а совершенно достаточно было одного сгустка-парадокса-антипода» (так он охарактеризовал издание «Духовных и договорных грамот»⁷⁵). Романов настаивал на важности качества издания памятника (точности передачи и подачи текста, подробного комментирования и проч.), а не лингвистических особенностей документа. Говоря о советской археографии, он имел в виду, что современные документальные публикации должны были превосходить по своим научным характеристикам дореволюционные аналоги, что было, по его мнению, закономерным результатом развития исторической науки. Вместе с письмом Романов послал Екатерине Николаевне копию своей, как он написал, «статейки в стенгазету»⁷⁶, которая вызвала обмен посланиями, ставшими кульминацией в споре историков. Эти два письма позволили в некоторой степени реконструировать этот важный, но утраченный документ.

6 мая Кушева писала Романову, что расходится с ним «по всем затронутым в статье вопросам» и считает его статью «неверной». Её основной упрёк состоял в том, что Борис Александрович преувеличил значение научного комментирования публикуемых текстов. «Ведь если бы Ваше мнение о соотносительном значении текста и аппарата в советском археографическом издании было принято, мы пришли бы к тому, что документы и памятники мало изученные не печатались бы или задерживались печатанием до их изучения в узком кругу, которое позволило бы дать комментарий. Наоборот, хорошо изученные памятники оказались бы в наилучшем для опубликования положении», – заключала Кушева. В его подходе к оценке текста и научного аппарата изданий она увидела возможность прийти «к парадоксальному выводу, что большинство археографических изданий, появившихся в советское время, не

⁷² Там же. С. 197.

⁷³ Там же. С. 199. Речь шла, кроме издания Черепнина, о «Новгородской первой летописи», изданной под редакцией А.Н. Насонова, и «Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради 50-х годов XVI в.» под редакцией А.А. Зимина.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 203. Мнения современных историков относительно этого издания, как отмечает Панеях, во многом совпадают с оценками Романова. Так, В.А. Кучкин отметил как ряд неоспоримых достоинств «Духовных и договорных грамот», так и наличие в них довольно существенных отступлений от подлинников и в ряде случаев явных ошибок. См.: Там же. С. 204.

⁷⁶ Там же. С. 202.

являются советскими, в том числе и все институтские издания последних лет (и наши, и ЛОИИ)». Со своей стороны, Екатерина Николаевна видела задачу советских научных археографических изданий в том, чтобы «давать тексты, необходимые для марксистских исследований»⁷⁷. Здесь она впервые в переписке с Романовым прибегла к формуле, бывшей в большом ходу у историков первого марксистского поколения, делая упор на политико-идеологических составляющих археографической обработки текстов (в первую очередь, анализ классово-принадлежности документа)⁷⁸. До этого времени обсуждение ими проблем подготовки документальных изданий ограничивалось исключительно научными аспектами.

10 мая Романов в ответном письме подробно изложил своё видение задач советской археографии. Убедённый, что они «вольны *расходиться во мнениях*», равно как в ходе спора «модифицировать и даже *менять свои мнения*»⁷⁹, он подчёркивал, что его критика была направлена на «*вещь, с которой придётся иметь дело работнику науки, а не работу и тем более не работника, которую и которого читатель* (как 1951, так и 1991 г.) не знает и которые его интересуют *практически меньше всего*»⁸⁰. Как «плод недоразумения» Романов расценивал то, что Кушева превратно поняла его позицию в отношении публикации «обжитых» и новых памятников. Ещё раз настаивая на праве любых источников быть опубликованными, он писал, что всегда был «глубоко убеждён, что при *переиздании* памятников эти переиздания должны стоять на *высшем* уровне, чем досоветские, и должны быть *откомментированы* – с помощью советской исторической науки, а не хватает её, то и с помощью досоветской историографии»⁸¹.

Необходимость комментариев и возможно большего числа указателей Борис Александрович выводил из потребности людей, составлявших, как он говорил, ««тело» науки». Именно для них, а не для широкой публики и решения задач популяризации исторической науки должна была, по его мнению, выполняться научно-справочная сторона издания. Как писал он Кушевой, эта работа должна была адресоваться вовсе «*не в “массы” читательские, а в плотный строй “инженеров человеческих душ” разных рангов, начиная с высших*». Настаивая на своём понимании значения комментирования древних памятников, Романов заботился прежде всего о подготовке молодого поколения историков, о сохранении и приумножении традиций российской исторической науки. «Не забудьте, – обращался он к своей собеседнице, – что сеет свои семена наука не в мои стариковские мозги, а в мозги моей дипломантской и аспирантской молодёжи. Пока я её учу (вовсе не помышляя о “популяризации”), я ей комментирую изустно; когда я помру, мне бы хотелось продолжать ей комментировать через печать»⁸². Совершенствование отечественной археографии Романов рассматривал в тесной связи с развитием исторической науки. Он не воспринимал подготовленные им издания как предел археографических возможностей. «Я с этим, конечно, быстро устарею, в прямой зависимости от прогресса советской исторической науки..., – обращался он к Екатерине Николаевне и выражал на-

⁷⁷ Там же. С. 206.

⁷⁸ См., например, определение «советской археографии»: Советская историческая энциклопедия. Т. 1. С. 810.

⁷⁹ Переписка. С. 209.

⁸⁰ Там же. С. 213.

⁸¹ Там же. С. 210.

⁸² Там же. С. 211.

дежду, – что, например, текст Судебника будет ещё и ещё переиздаваться, а комментарий каждый раз будет пополняться, а то и перерабатываться во славу советской исторической науки»⁸³.

Вне всякого сомнения, Романова сильно задело высказывание Кушевой, которую он полагал своей единомышленницей, о возможности публикации новых источников в зависимости от потребности в них марксистской исторической науки. Он саркастически замечал в ответ, что никогда и не предполагал, чтобы «кому-либо могло прийти в голову издавать новинки, не нужные “для марксистских исследований”». Его понимание задач советской археографии не было ограничено классовым подходом. Романов не видел ничего специфически марксистского в том, «что советский археограф не издаст ненужной требухи», и считал, что «это ещё не заслуга». «Возможности для советской археографии проявить свою марксистскую природу»⁸⁴ он связывал с уровнем научной подготовки издания.

В споре между Романовым и Кушевой нашла некоторый отзвук пресловутая дихотомия «Москва–Петербург», тогда Ленинград⁸⁵. Романов был категорически не согласен с Кушевой, что в своей статье он отказал московским археографам, в первую очередь, Черепнину, в компетентности. Она же 22 мая настаивала в письме, что такое впечатление возникало у неё и ранее, ссылаясь при этом на прецеденты взаимоотношений историков – москвичей и питерцев в досоветской истории⁸⁶. Оставив эту и остальные темы открытыми «до дружеской беседы», Екатерина Николаевна подвела черту под их полемикой, написав, что не хочет продолжения спора: «Вам не до того, да и лучше поговорить о всех затронутых вопросах при встрече»⁸⁷. 26 мая, отвечая на это письмо, он охотно поддержал её в желании прекратить спор, внесший диссонанс в их товарищеские отношения, также рассчитывая на обстоятельный личный разговор⁸⁸. Вероятно, в таких беседах затрагивались проблемы, которые наученные горьким опытом учёные привыкли не доверять бумаге. Этого нельзя утверждать наверняка, но невозможно исключить вероятности обсуждения вопросов, связанных с влиянием на характер комментирования источников политико-идеологических реалий времени, в первую очередь кампании по борьбе с космополитизмом и буржуазным объективизмом.

Последующая переписка Б.А. Романова и Е.Н. Кушевой свидетельствует о восстановлении её прежнего характера. К вызвавшим столь болезненную реакцию сюжетам они больше не возвращались. Можно было бы сделать вывод, что спор историков завершён. Однако 16 января 1953 г. в письме Кушевой, в котором она благодарит своего старшего коллегу за вручённый ей с дарственной надписью экземпляр «Судебников», вдруг вновь мелькают строки: «Вот по вопросу о характере археографических работ мы с Вами, как и ранее, рас-

⁸³ Там же. С. 211–212.

⁸⁴ Там же. С. 212.

⁸⁵ См., напр.: *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003; *Тихонов В.В.* Дихотомия «Москва–Петербург» и отечественные историки конца XIX – начала XX в. (к вопросу о московской и петербургской школах) // *Российская государственность в лицах и судьбах созидателей: IX–XXI вв.* Материалы Международной научной конференции. Липецк, 2010.

⁸⁶ Переписка. С. 218.

⁸⁷ Там же. С. 218.

⁸⁸ Там же. С. 220.

ходимся»⁸⁹. Спор остался открытым. Причина этого – в особенностях взглядов историков «старой школы», ярким представителем которых был Романов, и более молодого поколения советских исследователей, в том числе Кушевой. Историки марксистской генерации, к которым с известными оговорками можно отнести и саму Кушеву, и защищаемого ею Черепнина, не оспаривали и в большинстве случаев поддерживали классовый характер принципов публикации и археографической обработки источниковых комплексов. Вместе с тем идея сведения комментирования к минимуму была вызвана стремлением выпускать документальные издания, неподвластные субъективизму, отделить их от идеологических влияний. Романов отстаивал строго академические основы публикации исторических памятников, не допуская возможности компромисса.

Переписка Б.А. Романова и Е.Н. Кушевой свидетельствует о существовавших в советской исторической науке неоднозначных подходах к проблемам источниковедения и археографии, к основам публикаторской деятельности. Она выявляет контакты учёных разных научных школ и поколений, показывает существовавшие между ними совпадения и различия во взглядах. Её содержание отнюдь не исчерпывается изложенным в статье сюжетом. Письма Романова и Кушевой – живое свидетельство сложного и многоликого мира советских историков 1940–1950-х гг. – помогут ответить на многие вопросы истории отечественной исторической науки.

⁸⁹ Там же. С. 276.